***

И я проснулась. Предо мной твоя рука
Расслаблена с открытою ладонью.
Украдкою и как-то по-вороньи,
Губами прикоснулась я слегка
К прочитанным давно извивам линий
И замерла, чтоб не тревожить сон,
В благоговенье, словно бы икон,
Коснулась. Но утра век не длинен,
И вторглось пробужденье голосами
Голодных птиц, буянящих детей,
И сжались пальцы на руке твоей,
Как будто след от губ моих спасали.

***

Не знаю, но время пройдёт, быть может,
И ты расскажешь ему, как немыми ночами
Ногти в мякоть ладони в слепом отчаянии
Впивались, взрезали, ранили твою кожу,
Как улыбалась чужим и ненужным лицам,
Ждала, он одумается и вот-вот приедет,
Выла волчицей и воем пугала соседей,
И мать опасалась, что разума можешь лишиться;
Как ты свыкалась с новой никчемной ролью,
Как призывала на помощь силы земли и неба,
Чтобы вернули или настигли его, где б он ни был,
И, наконец, уравняли невыносимой болью.

***

Как пережить, чтобы смочь рассказать потом,
Или как рассказать, чтобы поняли вы, о чём я, –
Как ползли и чувствовали животом
Зубы камней и земляные комья.
Больше, конечно, камни – были остры и колки,
Они уже рвут и тех, кто ползёт за нами,
И перед нами стоны ещё не смолкли,
А нас уже глушат новыми голосами.

***

Ты уходила, как вода сквозь пальцы,
В наследство память о любви и силе.
Не умолила я тебя остаться.
Пыталась, но тебя не отпустили.
Оставили б, хотя бы ненадолго,
Чтоб мы с тобой могли наговориться...
Сиротство осязаемо настолько,
Что я черты твои искала в лицах,
В походках, а желанье позвонить
Блокировало в памяти утрату.
Мой разум бред пытался прекратить,
Приумножая горечь многократно,
Напоминал, что я не дозвонюсь.
От слова «никогда» немеют пальцы,
Я влагой слёз моих с тобой сольюсь,
Но и тогда не сможешь ты остаться.

***

Снег падает душою чистой в ад –
Земля не предусматривает рая.
Грехи земные тщетно покрывая,
Бессильно души снежные горят.
Так тонкокостен звук под сапогом:
Не хруст, не скрип, а как бы вздох со стоном,
Он лучшее способен в нас затронуть,
Но, Слава Господу, мы это не поймём.

***

Мне не узнать, когда ты настоящий,
Чтобы усвоить правила игры,
И изолентой нервы от искры
Перемотать, им гибелью грозящей.
Всё чаще резок, чаще раздражён,
Всё реже ты осознаёшь ту малость,
Что я врагом, по сути, не являюсь,
Который должен быть тобой сражён.

История

Такая мизансцена: на вокзале
Он с чемоданом, на его кудрях
Пылает солнце, и вокруг друзья;
И всё, что можно, – все уже сказали,
Курили много, кажется, шутили...
Пришла она – оставили двоих.
И даже привокзальный гул затих,
Чтоб под конец они поговорили.
На ней такой немыслимый наряд,
И треплет ветер край её подола.
Он ей твердил, что это ненадолго,
Что всё решится и пойдёт на лад.
Она кивала, верила ему. Потом
Ещё и ждать пообещала. Прострекотала
Информация с вокзала –
Все судорожно стали провожать.

Не то.
Не так. Не на вокзале, в аэропорту.
Один, а одному не потеряться.
И, стоя возле стойки регистрации,
Он в толчее искал глазами ту,
Которую скрывал туман теней.
Подали трап – и разорвались нервы,
И стон его турбинами был прерван:
Летел он от неё, стремившись к ней...

Она одна в пробоине окна,
Хотя – ей кажется, что в глубине колодца.
Сквозь ткань портьер просвечивает солнце,
Не в состоянье мысли отогнать.
Просвет на цвет, как прядь его волос.
Он не вернётся, всё равно что умер.
И сердца стук – как телефонный зуммер,
Когда соединенье прервалось...
...
Но жизнь продолжится – у каждого своя:
Его – в речах, её – увы, в молчанье.
Их по ночам тревожит гимн венчальный...
Они вдвоём...
Но это сны, не явь.

***

Кадр в кадре, коридор времён
С массивными старинными часами.
Он с сигаретой в тонких пальцах замер,
И объективом был запечатлён.
Она у фотографии его.
Отводит взгляд от фотоаппарата
Известною, но, Господи, вдовой
Любимого, но всё же – экспоната,
И, экскурсанткою смотря через стекло,
Невольно принимаю я участие –
Я становлюсь свидетельницей счастья,
Которого стекло не пресекло.

***

Нет зависти ко всем, кто были до,
Не вызовут её, кто будут после, –
Надёжен панцирь мой и дух вынослив,
И не страшит, грозящее бедой
Слетевшее признанье с уст немых
В одно касание случайной встречи –
У каждого свой путь давно намечен,
И он важней местоименья «мы»...

***

Пишу, а нагота листа
Так вызывающе бесстыжа,
Что отвожу глаза, устав,
Поскольку образов не вижу.

Не сочиню, не сотворю –
Смеётся мне в лицо открыто
Лист. Я его приговорю
К сожжению. Как инквизитор,

Костёр на плахе разведу
И отомщу ему жестоко
За мысленную немоту,
За неподатливые строки.

***

Стремительно лечу на твой огонь –
Инстинкты мотылька в самоубийстве,
И крик – остановись или не тронь! –
Сгущающимся облаком повиснет,
Но как бы ни хотелось мне сгореть,
Легчайшим пеплом после разлететься,
Я не смогла того предусмотреть,
Что за плафоном скрыто твоё сердце
Небьющегося гладкого стекла,
Чьё имя – ледяное отчужденье.
Преграда эта жизнь мою спасла,
Но крылья отняла в одно мгновенье.

***

Там нет травы
И неба синевы –
Есть сумерки, предметов очертания,
Эскизам к людям там даны названия.
Названия. И больше ничего...
Как мало их, кто скажет: «Я – живой!»
Жизнь – это не наличие движений.
В движенье пребывают даже тени –
Марионетки пляшущих лучей,
Но не добыть от жизни им ключей,
Сколь страстно этого они бы ни хотели.
Но если есть душа в каком-то теле –
Вот тот живёт, и жизнью наполняет
Всё то, во что он часть души вдыхает.